

Идеальный штрих

Адель Вайн

18+

Адель Вайн
Идеальный штрих

«Автор»

2025

Вайн А.

Идеальный штрих / А. Вайн — «Автор», 2025

Жасмин — художник, чьи татуировки кричат о необузданном таланте, запертом в клетке идеальности. Сроки выставки горят, а холст пуст. В поисках свободы она сталкивается с Лайоном — властным и опасным мужчиной, олицетворением дисциплинированного хаоса. Лайон не ищет контроля, а требует, чтобы Жасмин приняла свою истинную суть. Он защищает ее огонь, давая ей ресурсы для творчества и силы. Чтобы окончательно порвать с прошлым и закрепить свое место рядом с Лайоном как равный партнер, Жасмин предстоит не только создать триумфальную выставку. Она должна принять самое неожиданное проявление их общей силы — начало новой жизни. Это история о том, как хаос становится гармонией, а женщина-творец обретает силу, любовь и свободу.

© Вайн А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	14
Глава 8	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Адель Вайн

Идеальный штрих

«То, что ты считаешь своим самым большим изъяном, может оказаться твоей самой мощной силой».

Вступление

Этот роман начинается с запаха краски — резкого, горького запаха борьбы.

Жасмин двадцать семь лет. Она — художник, но её самый большой холст — она сама — давно покрашен белой, стерильной краской идеальности. Её тело, покрытое чернилами, её талант, полный необузданного хаоса, — всё это было тщательно спрятано под плащом «правильной женщины». Женщины, которую любил Адриан, и которую требовал мир.

Но идеальность — самая холодная из тюрем. Она оставила Жасмин с пустым холстом и почти сорванной кожей рук, на которых, словно татуировки, ввелись засохшие алые и черные мазки. Время уходит, выставка на носу, а правда в том, что Жасмин не знает, что такое «настоящее искусство», когда она сама — фальшивка.

Чтобы спасти свой талант, ей придется сжечь свой идеальный мир и сделать немислимый выбор: броситься в самый глубокий, самый опасный хаос. В мир Лайона.

Глава 1

В студии стоял резкий запах свежей и засохшей краски, смешанный с запахом непрветренного помещения. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь не зашторенные окна обнажали горы незаконченных картин, пустых холстов, дюжину разных красок и множество не используемых кистей. Жасмин сидела на высоком стуле перед мольбертом, взгляд был опустошенным, потеряннным, а холст перед ней был девственно пуст. Облокачиваясь о стул руками на которых словно татуировки въелись и высохли краски – черные, алые и фиолетовые оттенки, Жасмин думала, что ей делать, сроки для ее первой персональной выставки горели, и через десять минут должен был прийти Джэй – ее куратор, ее друг, ее последняя надежда – чтобы увидеть главную работу, которой не существовало.

Сидя перед пустым холстом в голове, звучало:

Это все было ошибкой. Ты обманула Джэя, и через десять минут он это увидит. Он пожалеет, что когда-то поверил в твой "талант". Ты не художник. Ты просто кричишь в холст, и никто не захочет это купить.

С этим криком внутри, Жасмин резко спрыгнула со стула. Она схватила старое полотенце с остервенением и попыталась оттереть краску с рук, зная, что это бесполезно – засохшие слои уже стали частью кожи. Она терла до боли, до почти сорванной кожи, пытаясь уничтожить не грязь, а доказательства своего провала.

В этот самый момент в дверь студии раздался резкий, уверенный стук.

Джэй. Он пришел на три минуты раньше.

Жасмин замерла, сжимая в руке окровавленную ткань. Она быстро одернула рукав, чтобы скрыть следы своего вырвавшегося хаоса, и заставила лицо принять выражение спокойной, творческой уверенности. Маска Жасмин была на месте.

"Войдите," – произнесла она. Ее голос был ровным, идеальным.

Дверь распахнулась, и студию заполнила энергия. Он не входит, он "врывается" в комнату, принося с собой энергию внешнего мира. Первым Жасмин услышала нотки его дорожного, дерзкого парфюма. Он тоже носит маску – маску успеха и позитива. Джэй, уверенный и харизматичный парень тридцати лет, высокий, с татуировками, от него прямо перла энергия жизни. Он был тем, кто однажды дал Жасмин шанс показать себя и свое творчество миру. Войдя и пройдя в середину комнаты, улыбка Джэя погасла. Он не дурак, он видел пустой холст и чувствовал напряжение, несмотря на ее маску. Его яркие глаза, привыкшие видеть правду в искусстве, задержались на ее руках, которые она машинально опустила.

– Привет, Жасмин. Я пришел увидеть «Идеальный Штрих». Но я вижу, что холст, который должен стать твоим прорывом... абсолютно чист.

Жасмин почувствовала, как под маской ее лицо становится горячим, а сердце колотится о ребра.

– Я только что закончила подготовительную стадию, – солгала она, и этот «идеальный» голос прозвучал фальшиво даже для нее самой. – Ты же знаешь, я не могу торопиться. На таком уровне нужна полная концентрация и... выверенность.

Джэй не сводил с нее взгляда. Он мягко кивнул, его голос стал тише, опаснее.

– Жасмин, – сказал он, делая шаг ближе, его взгляд скользнул по ее лицу. – Я вижу не выверенность. Я вижу, что ты не спала. Я вижу, что ты воюешь с этим холстом, а не пишешь. Твой талант бесспорен, но, если ты продолжишь себя сжигать, к открытию выставки мы получим гениальную работу... и пустого человека.

Жасмин резко подняла руки, пытаясь жестом отмахнуться от его беспокойства. Это была ошибка. Джэй заметил смятое, испачканное полотенце, которое она держала, и краску, въевшуюся в ее кожу.

– Ты скрываешь не пустой холст. Ты скрываешь, что тебе нужна помощь. Я твой куратор, я твой друг, и я ставлю на тебя свою репутацию. Но я не буду обеспечивать успех за счет твоего разрушения.

Он указал на стул.

– Мы не будем говорить о картинах. Мы поговорим о терапевте. Это не просьба. Это условие, Жасмин. Или ты начнешь заботиться о себе, или мне придется снять выставку.

Глава 2

Джэй не сводил с нее взгляда. Он мягко кивнул, его голос стал тише, опаснее.

"Жасмин," – сказал он. "Что ты скрываешь?"

Слова Адриана эхом отдавались в голове Жасмин, как будто он где-то далеко, а не стоял рядом с ней у окна его идеальной, белой студии. *"Ты никогда меня не слышала, я тебя не люблю и никогда не полюблю, ты не смогла этого добиться, ты просто слабая и бесхарактерная."*

Вернувшись из воспоминаний, Жасмин снова взглянула на Джэя. Маска дала слабину, и по ее лицу можно было лишь на мгновение прочитать, насколько она сломлена сейчас. Но, взяв себя в руки, она сразу же вернула маску и мягким голосом сказала:

– Хорошо, я согласна обратиться к терапевту для твоего спокойствия.

Джэй, который успел поймать взглядом ту долю секунды подлинной боли, удовлетворенно, но без радости, кивнул.

– Это не для моего спокойствия, Жасмин, это для твоей выставки. Я не смогу тебя защитить, если ты рухнешь. Я должен видеть подтверждение того, что ты начала работу со специалистом до конца этой недели. – Он протянул ей визитку. – Это лучший, я сам с ним работал.

Он улыбнулся своей знаменитой, харизматичной улыбкой, которая, впрочем, не дошла до глаз.

– Я верю в тебя, Жасмин. Теперь поверь в себя и позаботься о своем двигателе.

Джэй вышел из студии так же резко, как и вошел, оставив после себя след дорогого парфюма и тягостный запах ультиматума. Жасмин уронила смятое полотенце на пол. Она посмотрела на пустой холст, а затем на визитку в руке. Терапевт. Это не лечение. Это очередной способ доказать, что она достойна.

Жасмин не стала откладывать. Она явилась к специалисту, которого рекомендовал Джэй, точно в назначенное время. В кабинете, пахнущем сандалом и стерильным покоем, она сидела прямо, предельно вежливая и отстраненная. Она отвечала на вопросы выверенными, чистыми фразами, рассказывая о "небольшом творческом зastoе", но тщательно избегая упоминания обесценивания, агрессии и панических атак. Мысль о том, что терапевт может раскрыть Джэю ее "слабость" и вызвать крах выставки, была для нее гораздо страшнее, чем сам хаос. Она вышла от него с "диагнозом" легкого переутомления и списком рекомендаций, которые немедленно превратила в инструменты контроля.

Студия, которая всего несколько дней назад была зоной боевых действий, теперь выглядела как операционная. Все брошенные холсты были аккуратно сложены и убраны с глаз долой. Стол, заваленный грязной посудой, был вычищен до блеска, а резкий запах свежей краски сменился холодным, нейтральным ароматом. Жасмин носила только строгие, монохромные вещи – черный и серый, как ее новая, пустая эмоциональная палитра.

Она подошла к мольберту, где ее ждал новый, идеально загрунтованный холст. И, наконец, сделала то, что никогда не позволяла себе в минуты подлинной страсти: взяла в руки тонкую, чистую кисть.

Она чувствовала себя предательницей. Пальцы, ее главный инструмент, зудели от желания погрузиться в сырую, неконтролируемую краску. Но Жасмин заставила себя работать выверенными, аккуратными мазками.

"Это будет идеально," – прошептала она. "Это будет то, что никто не сможет обесценить."

Глава 3

Прошла неделя в режиме "Идеал". Жасмин почти убедила себя, что нашла решение. Сегодня вечером она должна была посетить арт-вечеринку, которую Джэй назвал "необходимой для расширения кругозора". Галерея, полная безмолвного, минималистичного искусства, давила на нее своей стерильностью. И тут она увидела его... АДРИАНА.

Она надеялась никогда не встречать его, хоть и понимала, что это будет тяжело, находясь в одной сфере. Сейчас, видя его, холод пронзил ее живот, а чувства, которые она так старательно запирала, рванули на свободу. Он был так близок и как всегда холоден и отстранен, он был идеален. И вот он тоже заметил Жасмин и решил подойти к ней.

Адриан остановился, окинул ее взглядом с головы до ног – долгим, оценивающим взглядом владельца.

– Прекрасно выглядишь, – ровно произнес он. – Ты похорошела, хотя и так была прекрасна. Твой новый стиль... более собранный.

Этот комплимент порадовал Жасмин. Одна из мыслей, что проскочила в ее голове: *"Теперь я больше ему соответствую."*

– Благодарю за комплимент, рада тебя видеть, – сказала Жасмин, стараясь не показывать своих эмоций.

Адриан не ответил сразу. Его холодные, оценивающие глаза снова скользнули по ее лицу, затем по шее, покрытой строгой тканью. Он, казалось, сканировал ее на предмет "идеальности".

– У тебя есть планы на вечер? – спросил Адриан, он видел по ней, что он все еще имеет над ней влияние, – Думаю, мы могли бы поужинать сегодня.

Жасмин почувствовала, как по спине пробежал холодок, но это был не страх, а извращенное удовлетворение. Его приглашение было подтверждением. Подтверждением того, что ее ложь, ее контролируемая жизнь, ее попытка стать идеальной, как он, сработала. Оно значило, что все страдания последних недель были не зря.

"Нет, – хотела сказать она. – Ты меня разрушаешь."

Но она лишь улыбнулась собранной, безупречной улыбкой и ответила голосом, в котором не было ни капли хаоса:

– Да. Я свободна, Адриан.

И в этот момент, в идеальной, пустой галерее, Жасмин официально вернулась в свою тюрьму.

Глава 4

Жасмин лежала в своей холодной, "идеально" убранной квартире после ужина с Адрианом. Ее тело, которое он оценил взглядом владельца, чувствовало себя грязным. "Ты похорошела, Жасмин," – его слова были ядом, который она выпила. Она закрыла глаза, и боль снова отбросила ее на несколько лет назад.

Она увидела их, стоящих в его белой, залитой светом студии. Жасмин прижимала к груди холст, который осмелилась ему показать – сырую, эмоциональную работу, написанную пальцами.

– Ты думаешь это искусство, Жасмин? – спокойным, ледяным голосом спросил Адриан. – Ты рисуешь пальцами, здесь нет никакой техники, у тебя нет таланта. Это саботаж. Этим тебе не завоевать даже симпатии людей.

С этим приговором её дыхание оборвалось. Картина выпала из рук, и Жасмин проснулась в темноте, стискивая кулаки до боли, чтобы не дать хаосу вырваться наружу.

Она уже не могла уснуть. Вместо того чтобы бороться с воспоминаниями, она решила сдаться своему новому, строгому режиму. Надев наушники, она быстро добралась до студии пешком; улицы были пусты, и город еще спал. Она тихонько собралась и отправилась в свою стерильную студию, чтобы завершить картину до прихода Джэя.

Будучи в студии, она боролась с желанием написать картину в своем стиле, но, смотря на уже начатую работу, через силу и вздохнув, она взяла в руки кисть и решила продолжить.

На холсте был готов фон – цвет хаки и глубокий оливковый украшали его. Она знала, что хочет нарисовать, и решила начать. Кистью сделав первый аккуратный мазок черной краской...

...это было похоже на первый шаг в ледяную воду. Пальцы, ее главный инструмент, зудели от желания окунуться в сырую массу, смешать цвета на холсте ладонью, а не этим тонким, чужим волосом. Но Жасмин заставила себя держать кисть жестко. Она выводила контрастные, сдержанные формы, создавая работу, которая была бы безупречной, но безжизненной. На фоне цвета хаки проступили силуэты двух лошадей, черной и почти белой, изображенные в мощной, но статической манере. В ней не было ярости, страсти, крови, которые Адриан называл "саботажем". В ней была лишь холодная, отстраненная красота, которую он мог бы оценить.

Жасмин посмотрела на часы. До прихода Джэя оставалось два часа. Картина была почти идеальной, и она почти убедила себя, что этот "Идеальный Штрих" – это и есть правда о ней.

Зайдя в кофейню рядом со студией, она взяла свой любимый малиновый раф со взбитыми сливками и зеленую матчу для Джэя. В голове прозвучало: *"Адриан бы не одобрил выбор напитка, он любит холодный американо и эспрессо."* Вернувшись, она поставила напитки на вычищенный стол. Вскоре раздался условный стук в дверь.

Глава 5

Пришел Джэй. Не дожидаясь ответа, он вошел, как и обычно, он был с иголки. Жасмин его любила, по-своему, он был тем радостным лучиком света в ее жизни, он тот, кому она верила и доверяла, но боялась его спугнуть своим настоящим "Я".

Джэй остановился, его взгляд, привыкший сканировать студию на предмет творческого хаоса, с удивлением отметил идеальную чистоту и собранный вид Жасмин. Его глаза скользнули по хаки-зеленому холсту с четкими, черными мазками.

Жасмин, прижимая к себе теплый малиновый раф, грациозно протянула ему стакан с зеленым напитком.

– Твоя любимая матча. Для продуктивного утра, – сказала она голосом, в котором не было ничего, кроме контролируемой вежливости.

– Спасибо, – Джэй взял напиток и, видимо, расслабившись, улыбнулся. – Ого. Впечатляет, Жасмин. Ты выглядишь... собранной. И терапевт? Помогло?

Жасмин почувствовала прилив ложной уверенности.

– Да. Очень. Мы работаем над структурированием процесса. Это помогает контролировать эмоции, чтобы они не мешали творчеству. Я поняла, что техника так же важна, как и чувство.

Джэй кивнул, его улыбка стала шире, но глаза на секунду потускнели. Он подошел ближе к картине.

– Работа безупречна. Ты делаешь именно то, что нужно для этой выставки. Но помни, Жасмин, искусство – это не только идеальная форма. Убедись, что, когда ты структурируешь процесс, ты не вычищаешь из него душу.

В душе Джэй понимал, что эта работа не настоящая Жасмин, да, картина была идеальна, но холодна; она притягивала взгляды, но не цепляла. Джэй решил дать время Жасмин и посмотреть, что из этого выйдет.

– Я думаю, нам нужно вместе перекусить, Жасмин, – сказал Джэй, его взгляд стал строже. – Ты выглядишь истощенной и похудевшей. Какую кухню выберем?

Жасмин почувствовала, как её горло сжимает невидимый обруч – даже забота Джэя была для неё формой контроля, которую нужно удовлетворить.

– Я не слишком голодна, Джэй, – ответила она, но тут же исправилась, вспомнив, что "идеальные" люди едят. – Но, пожалуй, итальянскую. Что-то легкое.

Она выбрала итальянский ресторан, куда они часто ходили, – уютное, стильное место, достаточно публичное, чтобы Адриан одобрил его, но достаточно приватное, чтобы Джэй чувствовал себя свободно.

Глава 6

Джэй выбрал уютный, но стильный ресторан, где их никто не побеспокоит. Как только они сели за столик, Жасмин сбросила свое напряжение, впервые за неделю позволив себе чуть больше, чем просто воду. Рядом с Джэем она чувствовала себя почти в безопасности.

– Ты помнишь Адриана, Джэй? – спросила Жасмин, едва коснувшись вилок салата.

Джэй, который сосредоточенно чистил креветку, резко поднял глаза.

– Сложно забыть человека, который считает себя произведением искусства. Почему ты о нем?

– Мы... мы снова вместе, – её голос прозвучал так тихо, что она едва услышала сама себя.

На лице Джэя на мгновение промелькнула глубокая, неподдельная печаль. Он отложил креветку.

– Жасмин. Зачем? Ты знаешь, что он делает с тобой. Он берет твою энергию, чтобы наполнить свою пустоту.

– Он не пустой! – защитилась она, но тут же опустила глаза, понимая, что кричит. – Он... он просто очень требователен. Я поняла, что в прошлый раз сама виновата. Я была слишком хаотичной. Я ему не соответствовала.

– Теперь я собранная. И он это ценит.

Джэй отложил приборы и взял её за руку.

– Он ценит твою упаковку, Жасмин. А не то, что внутри, – его голос был тихим и настойчивым. – Твое искусство – это твой хаос. Не убивай его ради человека, который заставил тебя ненавидеть себя.

Жасмин грустно улыбнулась.

– Ты мой лучик света, Джэй. Но сегодня я должна идти. У нас с Адрианом планы на вечер. Я хочу показать ему, что я изменилась.

Джэй ничего не сказал, но его разочарование было громче любой ссоры. Он расплатился и поднялся.

Они направились к выходу из ресторана. Жасмин почувствовала, как холодный, вечерний воздух мгновенно подтянул её маску обратно. У самого стеклянного входа Джэй остановился, чтобы дать ей последнее, тихое наставление, прежде чем она отправится к Адриану.

– Будь осторожна, Жасмин, – прошептал он, накрывая её руку своей. – Помни, почему ты ушла.

– Я помню, – ответила она, хотя её глаза уже были прикованы к улице, где она видела свое будущее с Адрианом.

Именно в этот момент дверь распахнулась, и в идеальное, тихое пространство ресторана ворвался взрывной хаос.

Мужчина вошел в пространство Жасмин, как стихийное бедствие в выверенную геометрию. Это была не просто походка, это было заявление.

Он был выше Джэя, мускулист; его фигура была опасной, но идеально сбалансированной. Плотная вязь темных татуировок поднималась от сильных рук, покрывая шею, подчеркивая скульптурную линию челюсти и коротко стриженные волосы. В его облике, несмотря на простую черную рубашку, чувствовалась жестокая, испанская страсть, которая была подавлена, но не угашена.

За ним, как волна прилива, вошла его свита – трое мужчин, таких же высоких и необузданных в своей уверенности. Они были одеты в кожу и потертый деним, с небрежной манерой, которая полностью игнорировала дресс-код этого заведения.

Жасмин и Джэй замерли. В ресторане стало на несколько градусов жарче, а воздух наполнился тяжелым, мужским запахом и ощущением неприкрытой опасности. Мужчина прошел мимо них, его яркие, прямые глаза скользнули по лицу Жасмин.

Это был не просто взгляд. Он на мгновение пробил её идеальную защиту и увидел не её монохромный костюм, а загнанную ярость, которую она спрятала внутри.

Жасмин почувствовала, как сердце заколотилось так сильно, как будто оно пыталось убежать из её груди.

Он остановился, не отрывая взгляда от Жасмин, и едва слышно прохрипел в спину своим спутникам:

– Смотри, куда идешь.

Джэй, явно напряженный, толкнул Жасмин к выходу.

– Пойдем, – пробормотал он. – Нам тут не место.

Жасмин вышла на улицу, дрожа. За секунду этот мужчина увидел в ней больше, чем Адриан и Джэй за целую неделю. Он был хаосом, который она так старательно запирала.

Глава 7

Жасмин всё ещё чувствовала на коже жесткий взгляд незнакомца, когда подъехала к безупречно освещенному дому Адриана. Его мир был противоположностью той опасной, тёмной энергии, которую она только что почувствовала. Мир Адриана был идеально вычищен от всего лишнего и живого.

Подойдя к двери, она тут же открыла её. Адриан встретил ее. Она хотела его обнять, поцеловать, ее любовь хотела найти выход, но Адриан был отстранен, он не любил этих приливов нежности. Он сделал шаг назад, едва коснувшись её щеки кончиками пальцев – холодным, официальным жестом.

– Привет, – его голос был ровным. Он окинул её взглядом, который был строже, чем любая инспекция. – Ты на секунду опоздала. И... твой воротник, – он еле заметно кивнул. – Он чуть-чуть помят. Небрежность тебе не идет, Жасмин.

Жасмин почувствовала, как внутренняя боль укусила её. Она провела рукой по воротнику, обнаружив крошечную складку. Её собранность, её идеал – всё рухнуло из-за миллиметра ткани. Она посмотрела на Адриана. Он был безупречен. И пуст, как белая, идеальная стена в его гостиной.

В этот момент осознание пронзило её: Его любовь – это не чувство, это невозможный тест. Он не мог дать ей тепло, потому что не имел его внутри. Он был идеальной формой, скрывающей зияющую пустоту, которую, как она теперь понимала, он и сам не видел.

– Я не идеальна, Адриан, – прошептала она, но он уже повернулся, не услышав её, и пошел в сторону гостиной.

– Нам нужно обсудить твою выставку. И твою новую картину, – бросил он через плечо. – Мне не нравится этот хаки-зеленый.

Жасмин не ответила. Осознание его пустоты ударило в неё сильнее любой критики. Но вместе с ним пришла и её гипер-эмпатия. Она увидела не нарцисса, а раненого мальчика, который спрятался за стеной. Она должна была его спасти.

Вечером того же дня, она решила приготовить для него ужин. Она приготовила его любимую лазанью, получилось идеально.

Аромат базилика, сыра и густого мясного соуса был наглым вторжением в минималистичную кухню Адриана, где всегда пахло только стерильностью и свежесваренным эспрессо. Жасмин накрыла стол, стараясь создать тепло, которого Адриан не мог дать. Она зажгла две свечи, но тут же погасила их – такой хаос Адриан точно не одобрил бы.

Адриан вышел из кабинета, его безупречная белая рубашка контрастировала с жаркой, красной лазаньей. Он сел, не произнеся ни слова, и начал есть. Жасмин наблюдала за ним, затаив дыхание, ожидая хотя бы крошечного проблеска благодарности.

Он медленно и вдумчиво жевал, как будто анализировал вкус.

– Хорошо, – наконец произнес он. – Соус упорядочен. Ты использовала правильную моцареллу.

Жасмин расслабилась.

– Я рада. Это было... для тебя.

Адриан поднял глаза, и холод его взгляда погасил то маленькое пламя, которое Жасмин пыталась разжечь.

– Для меня? Ты всегда была прекрасна в быту, Жасмин. Это не новость. Новость будет, если ты сможешь обуздать свою эмоциональную драму и дать мне уверенность, что ты не провалишь выставку. Лазанья – это просто комфорт. Мне нужна стабильность.

Жасмин почувствовала, как её тело каменеет. Он даже акт заботы превратил в условие. Он не видел любви, он видел попытку манипуляции или доказательство её полезности.

Она поняла: он не мог принять её тепло. Он был сосудом, который она пыталась наполнить, но он был без дна.

Глава 8

С того дня прошло несколько дней. Жасмин всё время думала об Адриане. "Я не могу спасти того, кто сам этого не хочет," – шептала логика. Но эмоции кричали громче: "Ты не можешь его бросить. Он нужен тебе, необходим как воздух." Её страшила мысль о смерти – в то время, когда они расставались, она чувствовала, будто мертва; без него она не существует.

Этот страх пустоты был сильнее любого здравого смысла. Чтобы заглушить его, Жасмин нужна была резкая смена реальности.

Сегодня вечером Жасмин решила дать себе отдохнуть от безупречного контроля, дать выйти хаосу, не причиняя никому вреда. Она знала, что последние годы была изолирована – либо в стерильном мире Адриана, либо в заботливой орбите Джэя. Но иногда ей требовался этот взрыв.

Она отправилась в самый популярный клуб в центре, который, по слухам, принадлежал какому-то опасному типу, державшему под контролем весь город. Ей было почти безразлично, кто владелец. Главное, что это место было полной противоположностью её текущей жизни.

Год назад она решилась на такую же вылазку. Она помнила, как Адриан встретил ее у двери своей безупречной квартиры. Он не кричал, его лицо было идеально спокойным.

– Ты пахнешь как публичный беспорядок, Жасмин. Твои волосы – хаос. Твоя одежда – неупорядоченная трагедия. Ты не должна быть такой. Это не достойно ни тебя, ни меня.

Его тихий голос ранил сильнее крика.

Жасмин тряхнула головой, отгоняя воспоминание. Она надела черное, нарочито откровенное платье, которое было идеально скроено, чтобы подчеркнуть каждый изгиб её миниатюрного тела. Оно оставляло мало места для фантазии, акцентируя идеальные пропорции груди и бедер. Это был вызов контролю Адриана, упакованный в его же эстетику – дерзкий, но безупречный. Она вошла в клуб.

Это было похоже на погружение под воду. Клуб был густым, тёмным и пульсирующим. Музыка била по рёбрам, заставляя вибрировать не только пол, но и её внутренности.

Жасмин, несмотря на свой откровенный вид, подошла к бару. Её руки, чистые и без единого следа краски, дрожали.

– Двойной виски. Неразбавленный, – попросила она бармена.

Жасмин сделала большой глоток. Жжение было резким, но оно наконец-то заглушило навязчивый голос страха и пустоты.

В этот момент её взгляд метнулся к VIP-зоне.

Там, в полумраке, окруженный теми же необузданными мужчинами, сидел он.

Мужчина из ресторана. Его вид, его поза, его полное безразличие к толпе создавали ощущение, что весь этот хаос принадлежит ему.

Жасмин сделала второй глоток и, внезапно, потянулась к свету. Она пошла на танцпол.

Он увидел это.

Мужчина поднялся. Это было медленное, решительное движение. Все его нутро, его жестокая, испанская страсть, теперь прицельно соблазняла её. Он спустился с возвышения, его глаза, острые, как лезвие, были прикованы только к ней.

Жасмин почувствовала его рядом – не спрашивая, не прося разрешения, он просто вошел в её ритм. Его сильная рука легла на поясницу Жасмин, притягивая её ближе. Он двигался жестко и уверенно, не оставляя ей места для контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.